

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 445–451

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 445–451

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-445-451>, EDN: BQNPQE

Научная статья

УДК [94-054.72(470+571):355.01] | 192/193 |

Тема войны в восприятии российской эмиграции первой волны

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Аннотация. В статье рассматривается умонастроение в российской эмигрантской среде в 1920–1930-е гг. Отмечается, что общественное мнение межвоенной Европы характеризовалось повышенным интересом к вопросам войны и мира, что неизбежно транслировалось в информационное и культурное пространство эмигрантских сообществ. Большинство представителей эмигрантской политической элиты, вне зависимости от идеологических установок, предсказывали неизбежность очередной мировой войны, указывали на неустойчивость и зыбкость социально-политического порядка, сформированного странами-победителями после заключения Версальского договора. Показано, что в ходе дискуссии, развернувшейся в эмигрантской среде, предпринимались попытки выявить место и роль «СССР-России» в грядущем глобальном конфликте. Повышенное внимание эта тема обрела после прихода к власти фашистов в Германии в 1933 г.

Ключевые слова: эмиграция, Версальский мир, Европа, фашизм, мировая война, коммунизм

Для цитирования: Митрохин В. А. Тема войны в восприятии российской эмиграции первой волны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 445–451. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-445-451>, EDN: BQNPQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The theme of war in the perception of Russian emigration of the first wave

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Abstract. The article examines the mindset in the Russian emigrant environment in the 20–30s of the XXth century. Public opinion in interwar Europe was characterized by an increased interest in issues of war and peace, which was inevitably translated into the information and cultural space of emigrant communities. The majority of representatives of the emigrant political elite, regardless of ideological attitudes, predicted the inevitability of another world war, pointed to the instability of the socio-political order formed by the victorious countries after the conclusion of the Treaty of Versailles. During the discussion that unfolded among the emigrants, attempts were made to identify the place and role of the “USSR-Russia” in the upcoming global conflict. This topic gained increased attention after the Nazis came to power in Germany in 1933.

Keywords: emigration, Peace of Versailles, Europe, fascism, World War, communism

For citation: Mitrokhin V. A. The theme of war in the perception of Russian emigration of the first wave. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-445-451>, EDN: BQNPQE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

28 июня 1919 г. была поставлена точка в одном из самых трагических событий мировой истории – Первой мировой войне. Версальский договор положил конец многолетнему кровавому противостоянию между германской и антигерманской коалициями, позволил приступить к обу-

стройству мирной жизни, как в самой Европе, так и за её пределами.

Многие представители русской diáspory, невольно ставшие не только свидетелями, но и участниками мировой бойни, были активно включены в европейское социальное и политическое пространство, пытались разо-

браться в смысле происходящих событий, давали свои прогнозы на будущее. Для любого скольнибудь мыслящего человека было очевидно, что Версальский договор, дискриминационный и грабительский по своему характеру, никак не мог быть гарантией прочного мира в Европе. Именно это настроение, как свидетельствуют материалы архивов и русскоязычной прессы, доминировало в общественном мнении эмиграции.

Волна критики в отношении стран-победителей и созданного ими мироустройства нашла неожиданную поддержку в различных, зачастую соперничающих между собой, лагерях российской диаспоры. Так, жёсткой критике послевоенный мир подверг известный эмигрантский политик, бывший член-корреспондент Императорской академии наук и будущий ректор Украинского свободного университета (1924–1925 гг.) Фёдор Андреевич Щербина, указывая на то, что «державы-победительницы не знают меры в экономическом нажиме над побеждёнными и ослабленными государствами, плодят в них вражду, грозящую разразиться кровавыми вспышками» [1, с. 222]. А Лига наций, по его мнению, «не оправдала самых скромных чаяний». В своей деятельности созданная после разрушительной войны международная структура руководствуется в первую очередь интересами возглавляющих её государств [1, с. 223]. В контексте происходящих событий Щербиной был дан пессимистичный прогноз: «Будущее темно и рисуется в мрачных контурах новых разрушительных столкновений между государствами» [1, с. 222].

Более конкретно на этот счет высказывался известный русский писатель Иван Наживин. Задолго до прихода к власти в Германии нацистов он выразил своё мнение в отношении происходящего, через несколько лет ставшее политической реальностью европейского континента: «Искры тлеют и в России, и в Италии, и в Германии, и в Польше, и на Балканах. Пожар запылает непременно... впереди не мир, но война» [2, с. 18]. В одной из своих публикаций Наживин недвусмысленно объяснил причины будущей войны: «В основании “новой” Европы лежит огромная бочка с динамитом – Версальский договор» [2, с. 17]. С точки зрения автора, важнейшей составляющей европейской политики являются отношения Германии и «СССР-России». Обе страны стали, по сути, заложниками сложившейся версальской системы. Это во многом предопределило их сближение, а на определённом этапе – преодоление кабального договора и взаимовыгодное сотрудничество. Однако, как считал И. Ф. Наживин, это явление временное. Геополитически Германия и Советский Союз имели разные целеполагания. В недалёком будущем их интересы столкнутся, что приведёт к обострению отношений.

Неизбежное столкновение «новой Европы» и СССР предвидел ещё один авторитет российской эмиграции – Н. В. Устрялов. Прошедшая мировая война, с его точки зрения, стала сильнейшим ударом по так называемым европейским ценностям. Выигранная «во имя демократии», она стала «воплощением жадности, ссорившей из-за добычи государства» [3, с. 333]. Война в полный рост поставила перед балканализированными европейскими народами вопрос о власти и инструментах её удержания (Право? Сила?) [3, с. 334]. Зависть, критиканство, отсутствие нравственного прогресса, разочарование итогами войны, наконец, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, в полный рост поставили перед европейскими народами проблему выбора пути развития. «Нужна идея, но её трагически не хватает нынешним европейцам... они живут среди обломков христианской культуры и держатся ещё только ими...», – писал Николай Васильевич Устрялов в 1925 г. [3, с. 339].

Н. В. Устрялов большое внимание уделил исследованию набиравшего силу европейского фашизма. Фашизм стал попыткой выбраться из идейного «штопора», шагом в направлении модернизации обветшалой буржуазной демократии стал. В среде российской эмиграции к новоявленной идеологической доктрине, как правило, относились со скепсисом, что в первую очередь было связано с провозглашённой Гитлером политики колонизации восточных земель. Вместе с тем критический анализ фашистской идеологии и практики, прежде всего в контексте сравнения с большевизмом, постоянно присутствовал на страницах эмигрантской прессы. Газеты и журналы разных политических направлений, пытаясь разобраться в устряловском видении европейской жизни, постоянно держали эту тему в центре внимания. Так, например, в эмигрантской газете «Дни» была опубликована статья «О русском фашизме» [4], в журнале «Россия» – статья под названием «Фашизм в понимании Н. В. Устрялова» [5], а в одной из наиболее популярных и влиятельных газет первой русской эмиграции «Последние новости» была напечатана статья «Устрялов о Гитлере» [6].

Фашистская идеология, прежде всего, представлялась Устрялову антихристианской. «По содержанию своему фашизм представляет собой историческую силу более враждебную христианству, нежели большевизм... По внутренней сути он есть отступничество от живого Христа», – отмечал он [7, с. 81]. С точки зрения учёного, новая европейская идеология не что иное, как «религия, носящая все признаки языческого мировосприятия и отмеченная печатью глубокой и трагической ущербности» [7, с. 94]. Также было отмечено, что этот «поздний ренессанс языческих взглядов порочен» и является собой «гигантский шаг назад по сравнения с христианской

метафизикой единства и любви, эсхатологией всеобщего спасения» [7, с. 94].

Н. В. Устялов давал своё обоснование феномену привлекательности фашистской идеи для миллионов европейцев, связывая его с «насущными заботами сегодняшнего дня». Это был «шанс на улучшение земной жизни» – близкий и понятный европейскому обывателю социально «приземлённый» идеал [7, с. 94]. Н. В. Устялов предупреждал, что несмотря на кажущуюся привлекательность, по природе своей фашизм «реакционен, вызывающе шовинистичен» и непригоден для обустройства будущего [7, с. 81]. «Фашизм – лукавое, двусмысленное орудие, способное обратиться против тех, кто им пытается владеть...» – заключал он [7, с. 153]. Дальнейшие события европейской и мировой истории подтвердили правоту его взглядов.

Особенно остро и болезненно тема войны воспринималась участниками военных кампаний Первой мировой и последовавшей после её окончания Гражданской войны в России. Ярким представителем этой группы эмигрантского сообщества являлся один из организаторов Белого движения, Главнокомандующий Вооружёнными силами юга России (1919–1920 гг.) генерал Антон Иванович Деникин. На первых порах пребывания за рубежом А. И. Деникин дистанцировался от политики, сосредоточившись на литературной деятельности. Главным ее результатом стало написание фундаментального историко-биографического труда «Очерки русской смуты». В то же время имя Деникина не сходило со страниц эмигрантской прессы и постоянно находилось в центре общественного внимания, особенно если тема касалась судьбы армии и её будущего. Он по-прежнему занимал антисоветскую позицию и был убеждён в необходимости свержения большевизма, а далее – формировании русской армии в условиях нарастающего международного противоборства.

Материалы, опубликованные в 1928 г. в «переписке» Деникина с неким анонимным офицером Красной армии, опубликованной на страницах издания «Борьба за Россию», имели немалый резонанс в среде русской эмиграции. Например, «Последние новости» отклинулись статьёй «Деникин и красная армия» с детальным изложением позиций сторон. Автор публикации пришёл к выводу, что «Деникин сдвинулся с мертвой точки» [8]. С этим вряд ли можно согласиться. Антон Иванович и здесь не изменил своим убеждениям, в том числе в отношении бывших союзников России. Еще более наглядно это просматривается в написанных им позже воспоминаниях «Старая армия» [9] и автобиографической повести «Путь русского офицера», увидевшей свет лишь в 1953 г. [10].

Особый интерес применительно к теме статьи представляет изданная в Париже брошюра А. И. Деникина «Международное положение,

Россия и эмиграция», в которой он проанализировал ситуацию, сложившуюся в мире, сделал прогноз на будущее. Брошюра была выпущена через год после прихода Гитлера к власти и явила своеобразной квинтэссенцией жизненного опыта и профессиональных качеств генерал-лейтенанта Деникина. Он раньше других осознал смысл происходящих в мире событий, пророчески предупредив о неизбежности масштабного военного столкновения. К этому, с его точки зрения, вела вся совокупность мировых событий, сложившийся расклад сил в политической, дипломатической и военной областях. Автор издания подчёркивал, что движимые реваншизмом и, по сути, разрушившие версальские соглашения немцы «могут начать войну внезапно, без объявления» [11, с. 6].

В сложившихся условиях «чрезвычайно сложной обстановки сегодняшнего, и, в особенности, завтрашнего дня» Деникина волновала судьба русских людей, разбросанных, волею обстоятельств, по потенциально конфликтующим странам. По его мнению, в сложившихся обстоятельствах ко всем событиям политической жизни представители российской диаспоры должны подходить не с умозрительными доктринаами, не с предвзятостью всяких «фильств» и «фобств», не с личными симпатиями к чуждым вождям и режимам, «а с единственным мерилом – реальных и справедливых интересов России и русского народа...» [11, с. 8]. Именно этим мерилом, с точки зрения автора, необходимо определять и те водоразделы, которые отделяют друзей от врагов.

Обозначенный подход определял бескомпромиссную позицию генерала Деникина и в отношении так называемой «восточной программы», провозглашённой германским руководством. Раскрывая её суть, Деникин приходит к выводу, что главная её цель – захват территории России. «Что же станется с людьми?» – задаёт вопрос автор книги и сам отвечает на него: «Будет жестоко и просто, нужно читать и понимать прочитанное... «Восточная программа» может осуществляться только злейшим врагом русского народа...» [11, с. 9–10].

Есть в вызвавшем бурные дискуссии издании и своеобразный призыв к руководителям соперничающих государств: «...за право на убежище, право на труд мы обязаны лояльностью странам, нас приютившим. Но и только. Никто не вправе толкать рассеянных по враждующим странам на возможное братоубийство... Кровь и жизнь наша нужны для освобождения и строительства России...» [11, с. 8]. А. И. Деникин обращал особое внимание на недопустимость вступления бывших подданных Российской империи в германскую армию, призывая вести энергичную пропагандистскую работу «для удержания метущихся и сбитых с толку людей в русле государственных интересов национальной России» [11, с. 16].

Одним из недугов, препятствовавшим консолидации здоровых сил эмигрантского сообщества накануне войны генерал по-прежнему считал «политиканство». В своей речи по случаю 20-летия Белого движения он подверг жёсткой критике работу партийных группировок, их вождей, чья деятельность привела к расколу и без того разобщённое эмигрантское сообщество: «Разброд эмиграции – идейный, тактический, межпартийный, внутрипартийный, разброд в понимании национальных задач, наша внутренняя борьба и самоедство грозят сделать из нас бессильных и бездеятельных свидетелей назревающих грозных и решающих событий...» [12]. Помимо этого, А. И. Деникин очертил круг вопросов, на решении которых должны были сосредоточиться российские эмигранты. Среди них, по его мнению, решающее значение имели уничтожение большевизма и возрождение русской государственности. Являясь последовательным противником советского режима, генерал тем не менее считал невозможной поддержку фашистской Германии. Позже, уже в годы Второй мировой войны эта позиция воплотится в его лозунге «Защита России и свержение большевизма».

События 1933 г. в Германии явились переломным моментом в истории межвоенной Европы. Приход к власти нацистов радикально изменил политический порядок, сложившийся в рамках недолго существовавшей Версальской системы, и поменял расстановку сил в Европе и в мире. Не могли оставаться равнодушными к происходившим головокружительным переменам и представители разных групп эмигрантского сообщества. Их реакция на набиравший силу фашизм, как правило, являлась отражением сформировавшейся идейной позиции и системы ценностей, защитниками которых они себя считали.

Те, кто разделял либерально-демократические идеи, пытались доказать несоответствие тоталитарной фашистской идеологии традициям и духу европейской культуры. Данная точка зрения находила отражение на страницах либеральных «Последних новостей», редактируемых П. Н. Милюковым. В 1933 г. газета опубликовала ряд материалов с резкой критикой фашистских порядков: «Поклонники скотьего бога» [13], «Германия и евреи» [14], «Гитлер» [15], «Гитлеровские выборы» [16] и другие. В статье «Кровь и нация» была предпринята попытка выявить наиболее типичные черты, характерные для европейских тоталитарных диктатур. По мнению автора статьи (псевдоним Юнусь), новоявленные режимы объединены стремлением к отрицанию свободы личности и разнообразия культуры, требованиями полного «посвящения» граждан интересам государства, уравнением всей общественной жизни в соответствии с единой идеей и единственным руководством [17].

Понимая угрозу расчленения Советского государства, П. Н. Милюков неожиданно для многих предстал последовательным защитником территориального единства страны как непрерывной ценности на фоне временных политических перипетий. Эта идея стала лейтмотивом доклада «Русская проблема и международное положение», прочитанного им на собрании Лондонского Королевского института по иностранным делам в конце 1933 г. Глава Республиканско-демократического объединения (РДО) пророчески предостерегал западные демократии от соблазна умиротворения амбиций фашистской Германии за счет «восточных земель» [18]. Парадоксальным образом ряд политических противников бывшего лидера кадетской партии, в том числе в военной эмигрантской среде, неожиданно оказались его единомышленниками как в оценке «восточной программы» германского руководства, так и в видении будущего обустройства Российского государства.

Глубокое разочарование по поводу плана очередного «натиска на Восток» стало главным мотивом в переписке руководителей Русского Общевоинского Союза (РОВС) генералов Е. К. Миллера и А. А. фон Лампе. В письме от 13 августа 1932 г. глава РОВС Е. К. Миллер называл «безумием» германские планы балканизации бывшей Российской империи. «Расчленение и преобладающее влияние, политическое и экономическое над отдельными частями у одних... просто завоевание у самого Гитлера – вот что обещают те, которые говорят о необходимости борьбы с коммунизмом», – писал он [19, л. 56]. Аналогичную позицию занимал в 1933 г. А. А. фон Лампе: «Наивно думать, что приход к власти национал-социалистов означает их войну за восстановление России» [20, л. 15].

Позиция неприятия фашизма как идеологии и практики в конце концов возобладала и в среде сторонников легитимного монархизма. На страницах младороссийской газеты «Бодрость» появились публикации с предупреждением о готовившемся на Западе «крестовом походе» против русского государства под знамёнами «борьбы с большевизмом». Статья с красноречивым названием «Руки прочь от нашей Родины» стала своеобразной квинтэссенцией младороссийского восприятия фашизма: «Идеологи германского расизма, движимые ненавистью к России, пользуются призраком “красной опасности”, чтобы свести с Россией свои счеты» [21]. Тем не менее эмоциональный и, как нам представляется, искренний призыв легитимистов встать на защиту страны «как советским гражданам, так и эмигрантам» не нашел общей поддержки в политически разобщённой эмигрантской среде.

Определённая часть выходцев из России, при всем настороженном отношении к новой идеологии в лице фашизма, видели в ней реальную силу, способную сокрушить коммунизм

в России и освободить страну от «сталинской тирании». Такая точка зрения возобладала в редакции эмигрантской газеты «Возрождение» (главный редактор Ю. Ф. Семенов). В статье корреспондента газеты Анатолия Гана «Победа Гитлера и Москва» отмечался «огромный сдвиг, произошедший в психологии германского народа, ярко приступившую смертельную вражду против московской заразы» [22]. В борьбе идей коммунизма и фашизма, обострившейся в Германии в начале 1930-х гг., газета отдавала предпочтение последнему. По мнению редакции, поворот вправо, наметившийся в европейской жизни и наиболее явственно выразившийся в победе Гитлера, «несомненно созвучен настроениям широких эмигрантских масс» [23].

Определенным показателем идейных предпочтений эмигрантов в начале 1930-х гг. стала реакция на деятельность русских фашистов. Критика и однозначное неприятие «людей темного назначения», по определению И. А. Ильина, парадоксальным образом объединяли представителей самых разнообразных, зачастую противоборствовавших идейных течений зарубежников: Е. Д. Кускову, А. И. Деникина, Н. В. Устрялова и других. По мнению генерала Е. К. Миллера, русские последователи Гитлера (речь шла в первую очередь о националистических организациях «Стальной шлем», РОНД) являются собой эмигрантскую «накипь». Не вызывал доверия у Е. К. Миллера и новоявленный глава «русских фашистов» генерал Сахаров. Руководитель РОВС в переписке с генералом фон Лампе высказывал твердую уверенность в том, что Сахаров «в очередной раз пытается морочить всех». Своевременно и актуально в 1933 г. звучало предостережение Миллера по поводу участия русских эмигрантов в организациях фашистского толка. С его точки зрения, от членов подобных объединений могут потребовать действий, «направленных на пользу германского национализма и немецкого государства, но во вред и против русского народа или русского государства» [20, л. 48].

Судя по материалам эмигрантской прессы, источникам «пражского архива», многочисленным мемуарным изданиям, в начале 1930-х гг. для представителей русской диаспоры грядущая война обретала все более ясные очертания. По мнению А. Курковского, Европа, устремленная к заветной цели ослабления и расчленения России, сама рискует стать жертвой конфронтации. События, которые могут начаться «с выстрела между французами и немцами или немцами и поляками», с точки зрения автора, приведут к неизбежной войне с Советским Союзом, «принесут всему миру неисчислимые бедствия, а Европе – великие потрясения, разорение, гибель миллионов людей» [24, с. 49]. Ответственность за предстоящую катастрофу А. Курковский возлагал как на лидеров III Интернационала, так

и на европейских политиков, препятствовавших установлению «нормального порядка» в России [24, с. 20].

Попытку найти разрешение противоречий «пораженцев» и «оборонцев» в неизбежной будущей войне, нейтрализовать очередной виток напряженности в эмигрантской среде предпринял В. В. Шульгин. В статье «Drang nach Osten», опубликованной в газете «Голос России», он изложил собственный план урегулирования проблемы территориальных устремлений Германии при сохранении целостности русского государства [25]. По мнению В. В. Шульгина, компромисс мог бы быть найден путем согласования идеалистического и практического базисов двух государств. Борьба с мировым злом – коммунизмом, по мысли автора, способствовала сближению антисоветских сил и формировала необходимую для совместных действий идейную основу устремлений Германии, российского народа и эмиграции. Реализация планов уничтожения «совдепии» – «необходимое условие для осуществления задач практического свойства» [25]. С точки зрения В. В. Шульгина, «материальное удовлетворение» Германии могло быть достигнуто путем заключения взаимовыгодного экономического и политического договора двух стран. Понимаемый в таком смысле «Drang nach Osten», т. е. концепция высокого идеализма и разумного практицизма, должна быть приветствуема с русской точки зрения [25].

Этот наивный план, предложенный одним из лидеров русской эмиграции, был связан с надеждами определенной части эмиграции на здравый подход со стороны нового лидера Германии на будущее сотрудничество и даже партнёрство двух государств. Вера в государственную мудрость и добрую волю Гитлера пронизывает статью «Хитлер № 3». Как полагал Шульгин, из озлобленного узника, «в сердце которого для других наций не было ничего кроме ненависти», А. Гитлер постепенно перерастал в pragmatичного, умудренного опытом лидера, способного погасить социальную и национальную вражду народов [26]. Пытаясь разобраться в характере происходивших в Европе событий и будучи монархистом по убеждениям, Шульгин выдвинул идею о возникновении «самодержавия нового стиля» [27]. На это, как ему казалось, указывали некоторые внешние признаки политической организации общества, в частности, безграничность власти фюрера, сравнимая с властью абсолютного монарха.

Мысль Шульгина, хотя и сформулированная с некоторыми оговорками, в очередной раз диссонировала с позицией «официального» эмигрантского монархизма. И «николаевцы» и «кирилловцы», несмотря на внутреннюю склоку, в большинстве своем не принимали фашистской идеологии, весьма настороженно относились

к росту ее влияния в Европе и мире. Подтверждением этому служат многочисленные публикации в прессе. Квинтэссенцией монархического подхода к проблеме можно считать статью Л. Былинского «Фашизм и монархизм». Автор, обращаясь к конкретике европейской политической борьбы, доказывал несовместимость монархической и фашистской идеологий, недопустимость использования последней в обустройстве Российского государства. На основании проведенного анализа Леонид Былинский пришел к выводу, что «России нужен не... фашизм, а Православная Монархия» [28].

Дальнейший ход европейских событий развенчал идеалистические помыслы В. В. Шульгины, а в его лице и всех сторонников «фашистского давления на большевизм». Не последнюю роль в этом сыграла агрессивная территориальная экспансия фашистского государства. Настоящим ударом для большинства представителей русской эмиграции стал инициированный германским вождём и санкционированный «цивилизованными» странами территориальный раздел Чехословакии. Неспособность европейских «демократий» противостоять распространению фашизма порождало растерянность, пессимизм, а зачастую откровенно панические настроения в эмигрантской среде.

Ярким подтверждением этого стали публикации Е. Д. Кусковой, постоянного автора «Последних новостей». «Загадка» Европы, которая безропотно «идет под крыло диктаторов и насильников», рассматривалась автором в материале «О насилии и молчании». Сам факт появления новых тиранов не вызывал у Елены Дмитриевны особого удивления («они всегда были»). Гораздо больше изумляло Кускову реакция европейской «цивилизованной общественности» на действия фашистов: «Не было раньше этого тоталитарного молчания и покрытия своим согласием чудовищных правонарушений правителей» [29].

Анализ сложившегося в Европе военно-политического расклада был продолжен в статье «О захолустном патриотизме». На этот раз в центре внимания Кусковой оказалась реакция западного сообщества на российскую эмиграцию и перспективы политического развития. Основной чертой европейских политиков автор статьи называла практицизм. Данное качество, с ее точки зрения, в решающей степени определяло характер их действий в отношении эмигрантов («никто из иностранцев давно уже не обращает внимания на вопли русских «патриотов» – «не объединяйтесь со Сталиным!»») [30].

Е. Д. Кускова придерживалась мнения, что «очень реальные политики» на Западе способны на самые неожиданные перемены политической «ориентации» под влиянием сложившейся конъюнктуры. Дальнейшее развитие событий

подтвердило полную правоту сделанного прогноза. Вопрос, заданный Еленой Дмитриевной Кусковой в статье «О захолустном патриотизме» в 1938 г. («Что тогда будут делать русские «патриоты»?»), очень скоро встал перед сторонниками «фашистского давления на коммунизм». Полное разочарование в связи с пассивной позицией европейской политической элиты нашло отражение в материале Е. Д. Кусковой «Где Европа?». Основанием для статьи, увидевшей свет 16 марта 1939 г., послужили политические события, которые привели к окончательной ликвидации Чехословакии: «Много невероятного случилось за последнее время в Европе. Но то, что произошло вчера, показывает, что этим неправдоподобным событиям нет предела» [31].

Не оправдавшие себя внешнеполитические надежды демократов, да и само развитие политического процесса в предвоенной Европе, серьезно подорвали престиж либеральной идеологии в эмигрантских кругах, оказали влияние на идеинные настроения молодого поколения. Примером достаточно типичного отношения к либерал-демократам в конце 1930-х гг. может служить оценка деятельности П. Н. Милюкова и его сторонников в «зеленых романах» Национально-трудовым союзом нового поколения (НТС НП): «Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов, болтунов, адвокатов, профессоров, втиравших очки народу... то век демократии умер вместе с Милюковым» [32, с. 155]. Не меньшее разочарование ожидало сторонников и правоконсервативного крыла российской диаспоры. Многие из них, как известно, связывали с фашистской Германией надежды на разрушение советской системы в России, однако заключение в августе 1939 г. Пакта о ненападении между СССР и Германией окончательно дезориентировало эмигрантов и полностью перекроило складывавшуюся годами систему политических ценностей и предпочтений.

Как видим, 1920–1930-е гг. стали временем своеобразного «перепутья» для сформировавшейся за границей «России № 2». Конечно, новая жизнь, а для многих – просто невыносимое существование, заставляли в первую очередь решать насущные бытовые и экономические проблемы. Однако необходимость элементарного выживания на чужбине не снимала с повестки дня вопросов социально-политического порядка, определения своего отношения к проблемам и вопросам, сотрясавшим межвоенную Европу и мир. Одним из самых болезненных в условиях формирования новой картины мира стал вопрос отношения к войне, как к прошлой, одним из итогов которой стало формирование самой зарубежной России, так и к будущей, неизбежность приближения которой осознавалась большинством эмигрантов. Рост влияния европейского фашизма, качественные геополитические сдвиги во второй половине 1930-х гг. окончательно

раскололи и без того разобщённое эмигрантское сообщество. В таком радикально плюралистическом состоянии «Россия № 2» вошла в новый этап своего существования, связанный уже с началом Второй мировой войны.

Список литературы

1. Щербина Ф. А. Законы эволюции и русский большевизм. Белград : Русская мысль, 1921. 264 с.
2. Наживин И. Ф. Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову. Брюссель : Издательство «Независимый Брюссель», 1930. 32 с.
3. Устрилов Н. В. Судьба Европы. Под знаком революции: сб. статей. Харбин : Русская жизнь, 1925. 356 с.
4. О русском фашизме // Дни. 1928. 28 окт. № 8.
5. Фашизм в понимании Н. В. Устрилова // Россия. 1928. 7 апр. № 33.
6. Устрилов о Гитлере // Последние новости. 1933. 22 сент. № 4566.
7. Устрилов Н. В. Пути синтеза. Наше время. Шанхай : [Б. и.], 1934. 202 с.
8. Деникин и красная армия // Последние новости. 1928. 29 мар. № 2563.
9. Деникин А. И. Старая армия : в 2 т. Париж : Родник, 1929. Т. 1. 154 с.
10. Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1953. 384 с.
11. Деникин А. И. Международное положение, Россия и эмиграция. Париж : Editions et imprimerie rapide de la presse, 1934. 16 с.
12. Двадцатилетие белого движения // Последние новости. 1938. 27 фев. № 6182.
13. Поклонники скотьего бога // Последние новости. 1933. 13 июн. № 4465.
14. Германия и евреи // Последние новости. 1933. 25 июл. № 4507.
15. Гитлер // Последние новости. 1933. 27 июл. № 4509.
16. Гитлеровские выборы // Последние новости. 1933. 14 нояб. № 4619.
17. Кровь и нация // Последние новости. 1933. 7 сент. № 4551.
18. Милюков в Лондоне // Последние новости. 1933. 7 дек. № 4642.
19. ГАРФ. Ф. 5853 (Лампе фон Алексей Александрович). Оп. 1. Д. 49.
20. ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 51.
21. Руки прочь от нашей Родины // Бодрость. 1935. 11 мар. № 22.
22. Ган А. Победа Гитлера и Москва // Возрождение. 1933. 7 апр. № 2866.
23. Тимашов А. Монархизм и активизм // Возрождение. 1933. 24 мар. № 2852.
24. Курковский А. Еще не поздно. Мысли о современном международном положении. Каунас : Spindulio, 1932. 51 с.
25. Шульгин В. Drang nach Osten // Голос России. 1936. 9 июл. № 4.
26. Шульгин В. Хитлер № 3 // Голос России. 1936. 25 июн. № 2.
27. Ответы Кусковой и многим другим // Голос России. 1936. 25 июн. № 2.
28. Былинский Л. Фашизм и монархизм // Двуглавый орел. 1926. 1 дек. № 1.
29. Кускова Е. О насилии и молчании // Последние новости. 1938. 5 мар. № 6188.
30. Кускова Е. О захолустном патриотизме // Последние новости. 1938. 20 авг. № 6355.
31. Кускова Е. Где Европа? // Последние новости. 1939. 16 мар. № 6562.
32. Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Основы национального мировоззрения : в IV ч. Белград : Типография «Меркурий», 1939. Ч. I. 157 с.

Поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025